

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 5

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 5**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 5 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Я увидел на холме в пятидесяти шагах от меня пастуха, сопровождавшего стадо из десяти-двенадцати овец, и обратился к нему, чтобы узнать интересующие меня сведения. Я спросил у него, как называется эта деревня, и он ответил, что я нахожусь в Валь-де-Пьядене, что меня удивило из-за длины пути, который я проделал. Я спросил, как зовут хозяев пяти-шести домов, видневшихся вблизи, и обнаружил, что все те, кого он мне назвал, мне знакомы, но я не могу к ним зайти, чтобы не навлечь на них своим появлением неприятности. Я увидел дворец семьи Гримани, старейшина которой, бывший тогда Государственным Инквизитором, должен был там сейчас находиться, и мне не следовало ему показываться. Я спросил у пастуха, кому принадлежит красный дом, который виден в некотором отдалении, и мое удивление было велико, когда я узнал, что это дом человека, называемого Капитаном провинции, который был начальником сборов. Я попрощался с крестьянином и машинально спустился с холма. Непостижимо, но я направился к этому ужасному дому, от которого, естественно и по всей логике, должен был бы бежать...»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джованни Казанова История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 5

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Я поселяюсь в доме начальника сборов. Я провожу там приятную ночь и полностью восстанавливаю свои силы и здоровье. Я иду на мессу; неудобная встреча. Сильное средство, к которому я вынужден прибегнуть, чтобы занять шесть цехинов. Я вне опасности. Мое прибытие в Мюнхен. Эпизод с Бальби. Я отправляюсь в Париж. Мое прибытие в этот город, убийство Людовика XV.

Я увидел на холме в пятидесяти шагах от меня пастуха, сопровождавшего стадо из десяти-двенадцати овец, и обратился к нему, чтобы узнать интересующие меня сведения. Я спросил у него, как называется эта деревня, и он ответил, что я нахожусь в Валь-де-Пьядене, что меня удивило из-за длины пути, который я проделал. Я спросил, как зовут хозяев пяти-шести домов, видневшихся вблизи, и обнаружил, что все те, кого он мне назвал, мне знакомы, но я не могу к ним зайти, чтобы не навлечь на них своим появлением неприятности. Я увидел дворец семьи Гримани, старейшина которой, бывший тогда Государственным Инквизитором, должен был там сейчас находиться, и мне не следовало ему показываться. Я спросил у пастуха, кому принадлежит красный дом, который виден в некотором отдалении, и мое удивление было велико, когда я узнал, что это дом человека, называемого Капитаном провинции, который был начальником сборов. Я попрощался с крестьянином и машинально спустился с холма. Непостижимо, но я направился к этому ужасному дому, от которого, натурально и по всей логике, должен был бы бежать. Я пошел прямо к нему, и на самом деле я осознаю, что направлялся туда не по своей воле. Если правда, что мы все подчиняемся воздействию благой невидимой субстанции, которая направляет нас к нашему счастью, как случилось, хотя и редко, с Сократом, я должен полагать, что то, что заставило меня идти туда, и была эта субстанция. Должен сказать, что за всю свою жизнь я не совершал более дерзкого поступка.

Я с вполне свободным видом, без колебаний, вхожу в этот дом. Я вижу во дворе ребенка, играющего с юлой, и спрашиваю, где его отец; вместо того, чтобы мне ответить, он зовет свою мать. Через мгновение я вижу появляющуюся очень красивую беременную женщину, которая очень вежливо спрашивает, что мне нужно от ее мужа, которого сейчас нет.

– Мне очень жаль, мадам, что *моего кума* сейчас нет, хотя я и рад случаю познакомиться с его прекрасной половиной.

– Вашего кума? Значит, я говорю с Его Превосходительством Виттури? Мне сказали, что вы были столь добры, что предложили ему стать крестным отцом ребенку, которого я ношу. Счастлива с вами познакомиться, и мой муж будет в отчаянии, что вы не застали его дома.

– Я надеюсь, что он вскоре придет, потому что я хотел бы попросить постель на эту ночь. Я не смею никуда явиться в том состоянии, в каком вы меня видите.

– У вас будет, тем не менее, постель и сносный ужин, и мой муж придет вас поблагодарить по своем возвращении за оказанную нам честь. Час назад он уехал верхом вместе со всеми своими людьми, и я ожидаю его возвращения только через три-четыре дня.

– И почему он уехал так надолго?

– Вы разве не знаете, что двое заключенных бежали из Пьомби? Один патриций, а другой – частное лицо по имени Казанова. Пришло письмо от Мессера Гранде их искать; если он их найдет, их отведут в Венецию, а если нет, – он вернется домой, но их будут искать по меньшей мере дня три.

– Мне очень жаль, дорогая кума, но я не хотел бы вас беспокоить, тем более, что мне надо было бы выспаться.

– Это сейчас же будет исполнено, и моя мать вас обслужит. Что с вашими коленями?

– Я упал во время охоты в горах. Это глубокие ссадины, и я потерял много крови.

– Бедный сеньор! Но моя мать вас вылечит.

Она позвала мать и, сказав ей все, что нужно, ушла. Эта прелестная жена стражника совсем ничего не соображала, потому что ничто не выглядело столь неправдоподобно, как история, которую я ей поведал. Верхом – в белых чулках! На охоту – в одежде из тафты! Без пальто, без слуги! Ее муж, когда вернется, будет очень над ней смеяться. Ее мать позаботилась обо мне со всей вежливостью, какую я мог ждать от людей самого высокого воспитания. Она приняла по отношению ко мне материнский тон и, перевязывая мои раны, называла меня все время сыном. Если бы моя душа была спокойна, я бы выдал ей бесспорные знаки своей вежливости и своей признательности, но место, где я находился, и опасная роль, которую я играл, слишком серьезно меня занимали.

Осмотрев мои колени и мои бедра, она сказала, что мне придется немного потерпеть, но что завтра я буду здоров; мне нужно только прикладывать к ранам на всю ночь влажные салфетки и выспаться, не тревожа их. Я хорошо поужинал и затем предоставил ей возможность действовать; я задремал, пока она надо мной колдовала, потому что я не мог никогда вспомнить, как она от меня ушла; она должна была раздеть меня как ребенка, я не говорил и ничего не соображал. Я ел, утоляя голод, который должен был испытывать, и заснул, уступая непреодолимой потребности. Я ни о чем не мог думать. Был час ночи, когда я кончил есть, и утром, когда я проснулся и услышал, что звонит тринадцать часов, я решил, что это волшебство, потому что мне показалось, что я только что заснул. Мне понадобилось более пяти минут, чтобы восстановить свои ощущения, чтобы призвать свою душу к реальности, чтобы увериться, что ситуация мне не снится, словом, чтобы перейти от сна к действительному пробуждению; но как только я очнулся, я быстро снял свои повязки и удивился, увидев, что они все подсохли. Я оделся менее чем за четыре минуты, уложил свои волосы в кошелек и вышел из своей комнаты, которая была открыта; я спустился по лестнице, пересек двор и покинул этот дом, не обращая внимания на то, что там находились двое людей, которые не могли быть никем иным как сбирами. Я удалился от этого места, где нашел вежливость, добрый стол, лечение и полное восстановление моих сил, вместе со страхом, который заставил меня дрожать, потому что я видел, что подвергся очень неосмотрительно самому очевидному из всех рисков. Я удивлялся себе, что вошел в этот дом, и еще более, что смог из него выйти, и мне показалось невозможным, что за мной никто не пошел. Я шел пять часов подряд лесами и горами, встретив только нескольких крестьян и ни разу не оглянувшись.

Еще не было и полудня, когда, идя своей дорогой, я услышал звон колокола. Посмотрев вниз с возвышенности, на которой я находился, я увидел маленькую церковь, откуда доносился колокольный звон, и, увидев входящий в нее народ, я понял, что это месса; мне пришло в голову пойти ее послушать. Когда человек находится в беде, все, что приходит ему на ум, кажется внушенным свыше. Это был праздник Поминовения Всех Усопших¹. Я спускаюсь, вхожу в церковь и вижу г-на Марк-Антонио Гримани, племянника Государственного Инквизитора, с м-м Марией Пизани, его супругой. Я увидел, что они удивлены. Я сделал им реверанс и прослушал мессу. По выходе моем из церкви, месье вышел вслед за мной, а мадам осталась позади. Он подошел ко мне и сказал:

– Что вы здесь делаете? Где ваш компаньон?

– Я отдал ему семнадцать ливров, что у меня были, чтобы он шел спасаться другой дорогой, более легкой, в то время, как я пошел здесь, окраинами, что более трудно, и у меня нет ни су. Если Ваше Превосходительство будет настолько любезно, что окажет мне какую-то помощь, мне будет легче.

– Я не могу вам ничего дать, но вы встретите монахов-отшельников, которые не дадут вам умереть с голоду. Но расскажите мне, как вы смогли выбраться из Пьомби.

¹ 2 ноября – прим. перев.

– Это очень интересно, но это долгая история, и *отшельники могут в ожидании все съесть*.

Сказав это, я отвесил ему реверанс. Несмотря на мою крайнюю нужду, этот отказ подать милостыню доставило мне удовольствие. Я нашел себя гораздо более джентльменом, чем этот месье. Я узнал в Париже, что когда его жена узнала про это дело, она высказала ему упреки. Нет сомнения, что сантименты более свойственны женщинам, чем мужчинам.

Я шел до захода солнца, и, усталый и голодный, остановился у одиноко стоящего дома, который приятно выглядел. Я попросил поговорить с хозяином, но служанка сказала, что он ушел на свадьбу, за реку, где проведет ночь; но что ей дано распоряжение оказывать добрый прием его друзьям. Соответственно, она предоставила мне добрый ужин и очень хорошую постель. Я заметил по нескольким адресам писем, что я нахожусь у г-на Ромбенчи, консула не помню какого государства. Я написал ему и оставил там запечатанное письмо. Выспавшись, я быстро оделся, пересек реку, пообещав расплатиться с перевозчиком по возвращении, и, после пяти часов ходьбы, я пообедал в монастыре у капуцинов. После обеда я шел до двадцати двух часов, придя в дом, хозяин которого был мой друг. Это был крестьянин, мой знакомый. Я захожу, спрашиваю хозяина, и мне указывают дверь комнаты, где он сидит, собираясь писать. Я иду его обнять, но при виде меня он вскакивает и говорит мне немедленно уйти, приводя нелепые и оскорбительные аргументы. Я описываю ему мой случай, мои затруднения и прошу у него шестьдесят цехинов под свою расписку, заверив, что г-н де Брагадин ему их вернет, но он отвечает, что не может мне помочь и, более того, подать стакан воды, потому что, увидев меня у себя, он дрожит от страха заслужить неудовольствие Трибунала. Это был мужчина шестидесяти лет, маклер по векселям, который был мне обязан. Его жестокий отказ произвел на меня совсем другое действие, чем от г-на Гримани. То ли от гнева, то ли от возмущения, или повинуясь расчёту или природному порыву, я схватил его за колет, показывая свой эспонтон и грозя смертью, если он крикнет. Весь дрожа, он достал из кармана ключ и сказал мне, указывая на секретер, что там лежат деньги, и чтобы я взял, что хочу, но я сказал ему открыть самому. Он сделал это и открыл ящик, где лежало золото; я сказал ему отсчитать мне шесть цехинов.

– Вы просили у меня шестьдесят.

– Да, когда я хотел их от друга; но насильно я возьму лишь шесть и не оставлю тебе расписки. Тебе их вернут в Венеции, куда я напишу завтра, что ты меня вынудил сделать, существо трусливое и недостойное жить.

– Извините, умоляю, возьмите все.

– Нет. Я уйду и советую тебе дать мне уйти спокойно, или, боюсь, как бы я не вернулся и не предал огню твой дом.

Я прошагал два часа и, видя, что наступает ночь, остановился в крестьянском доме, где, скверно поужинав, лег спать на соломе. Утром я купил старый редингот и поехал дальше верхом на осле, потом купил близ Фельтре пару сапог. Так я миновал местечко, называемое *Ла Скала*. Стража, стоявшая там, спросила у меня только имя. Я сел в телегу, запряженную парой лошадей, и рано утром прибыл в Борго ди Вальсугана, где нашел трактир, который назвал отцу Бальби. Если бы он не подошел ко мне сам, я бы его не узнал. Зеленый редингот и низко надвинутая сельская шляпа его совершенно преобразили. Он сказал, что фермер дал ему все это за мое пальто, и плюс еще цехин, и что он прибыл сюда рано утром и хорошо поел. Он закончил свой рассказ, добавив весьма благородно, что не ожидал меня здесь увидеть, потому что не думал, что я назвал ему это место с намерением сдержать свое слово. Я провел в этом трактире весь следующий день, не сходя с кровати, за написанием более чем двадцати писем в Венецию, из которых десять-двенадцать были официальными объяснениями, которые я давал по поводу того, что вынужден был проделать, чтобы добыть шесть цехинов. Монах писал нелепые письма отцу Барбариго, своему настоятелю, патрициям, своим братьям, и галантные письма

служанкам – виновницам своего падения. Я спорол нашивки со своей одежды и продал свою шляпу, потому что ее пышность делала меня слишком заметным.

На следующий день я заночевал в Пержине, где юный граф д'Альберг пришел со мной повидаться, узнав, уж не знаю каким образом, что мы те люди, что спаслись от государства Венеции. Я проехал в Трент и в Больцано, где, нуждаясь в деньгах, чтобы одеться и закупить рубашек, обратился к старому банкиру по имени Менч, он предоставил мне надежного человека, которого я отправил в Венецию с письмом для г-на де Брагадин, который открыл мне через него кредит. Негоциант Менч поселил меня в гостинице, где я провел в постели все шесть дней, что понадобились его человеку, чтобы съездить в Венецию и вернуться. Он вернулся с векселем на сто цехинов, акцептованным на того же Менча. С этими деньгами я оделся; но прежде рассчитался по долгам с моим товарищем, который выдавал мне все эти дни всё новые основания считать его общество невыносимым. Он говорил мне, что без него я никогда бы не спасся, и в силу своих обязательств я должен ему половину всей моей возможной наличности. Он был влюблен во всех служанок и, не имея ни красивого лица, ни фигуры², чтобы сделать их милыми и покорными, получал от них на свои заигрывания лишь добрые оплеухи, которые принимал с примерным терпением. Это было мое единственное развлечение. Мы сели в почтовую карету и на третий день прибыли в Мюнхен. Я поселился в «Олене», где узнал, что два молодых брата из семьи Контарини находятся здесь уже некоторое время в сопровождении графа Помпеи из Вероны; но, не будучи с ними знакомым и не имея больше необходимости встречаться с отшельниками, чтобы выжить, я не озаботился пойти сделать им мои реверансы. Я сделал это для графини де Коронини, которую знал в Венеции по монастырю Сен-Жюстин, и которая была в большой милости при дворе.

Эта именитая дама, тогда в возрасте семидесяти лет, меня очень хорошо приняла и предложила поговорить с Выборщиком³, чтобы обеспечить мне право убежища. На другой день, сделав, как обещала, она сказала мне, что суверен не имеет ко мне никаких претензий и что я могу чувствовать себя в безопасности в Мюнхене и по всей Баварии; однако это отнюдь не касается отца Бальби, который, в качестве монаха-сомаска и беглеца, может быть представлен сомасками Мюнхена, и что она не хочет иметь дела с монахами. Графиня, однако, посоветовала ему поскорее покинуть город и искать убежища в другом месте, с тем, чтобы избежать каких-либо дурных действий, которые могут последовать от монахов, его собратьев.

Чувствуя по совести и по чести себя обязанным заботиться об этом несчастном, я пошел к исповеднику Выборщика, чтобы попросить каких-то рекомендаций для монаха в некоторых городах Швабии. Этот исповедник, который был иезуит, принял меня весьма дурно. Он сказал, чтобы только от меня отделаться, что в Мюнхене обо мне весьма наслышаны. Я спросил у него спокойным тоном, высказывает ли он это мнение как хорошее или как дурное, и он мне не ответил. Он вышел от меня, и священник сказал мне, что он пошел засвидетельствовать чудо, о котором говорил весь Мюнхен.

– У императрицы, – сказал он, – вдовы Карла VII, чей труп находится еще в зале, выставленный на обозрение публики, по смерти до сих пор теплые ноги.

Он сказал, что я могу пойти посмотреть сам на это чудо. Весьма заинтересованный в том, чтобы, в конце концов, быть свидетелем чуда, и к тому же заинтересовавшись сам по себе, потому что у меня всегда были ледяные ноги, я пошел посмотреть на августейшую покойницу, у которой действительно ноги были теплые, но это было вследствие жарко натопленной печи, находящейся очень близко от мертвого тела Ее Величества. Танцовщик, находившийся там и хорошо мне знакомый, подошел ко мне и поздравил меня с благополучным освобождением, о котором говорил весь город. Этот танцовщик пригласил меня пообедать, на что я с удоволь-

² ни кожи ни рожи

³ король Баварии – прим. перев.

ствием согласился; его звали Микеле да л'Агата, и его жена была та самая Гардела, с которой за шестнадцать лет до того я был знаком у старика Малипьеро, который угостил меня тогда ударами своей трости за то, что я шутил с Терезой. Ла Гардела. Она стала знаменитой танцовщицей и была весьма красива, была рада меня увидеть и услышать из моих уст всю историю моего побега. Она заинтересовалась монахом и дала мне рекомендательное письмо в Аугсбург к канонику Басси, болонцу, своему другу и декану собора Св. Морица. Она тут же написала письмо и заверила, передавая его, что мне нет нужды больше заботиться о монахе, потому что она уверена, что декан позаботится о том, чтобы уладить его дело в Венеции.

Обрадованный тем, что отделался от него столь почетным образом, я отправился в гостиницу, рассказал ему о случившемся, дал письмо и обещал, что не покину его, в случае, если декан не встретит его должным образом. Я отправил его на следующий день на рассвете, в хорошей коляске.

Он написал мне четыре дня спустя, что декан принял его как нельзя лучше, поселил у себя, одел аббатом, представил князю-епископу, из семьи Дармштат, который разрешил ему пребывание в городе. Декан, кроме того, предложил ему жить у себя, пока не будет получена из Рима его секуляризация от сана священника и разрешение вернуться в Венецию, потому что, поскольку он не будет больше монахом, с него снимаются обвинения со стороны Трибунала Государственных Инквизиторов. Отец Бальби оканчивал свое письмо просьбой прислать несколько цехинов ему на мелкие расходы, потому что он слишком горд, как он мне сказал, чтобы просить денег у декана, который не догадался сам их ему дать. Я ему не ответил.

Оставшись в одиночестве и в покое, я подумал восстановить свое здоровье, потому что усталость и страдания вызвали у меня нервные спазмы, которые могли стать весьма серьезными. Правильный режим вернул мне менее чем в три недели отличное здоровье. В эти дни из Дрездена прибыла м-м Ривьер с сыном и двумя дочерьми, старшую из которых намеревалась выдать замуж в Париже. Сын учился и был, по общему мнению, весьма развит, а старшая дочь, которую она собиралась выдать замуж за комедианта, радовала красотой и обнаруживала талант в танцах; она превосходно владела клавесином и блистала в обществе, являя собой все преимущества молодости. Все это семейство было радо меня видеть, и я был весьма счастлив, когда м-м Ривьер, предвзяв мои пожелания, дала мне понять, что мое общество до Парижа будет ей приятно. Не было и речи о том, чтобы я оплатил свою часть расходов, и я должен был принять этот подарок. В моих планах было обосноваться в Париже, и я воспринял это как перст судьбы, указывающий мне, что счастье меня ждет в карьере авантюриста, для которой я направлялся в единственный город во вселенной, где слепая богиня распределяет свои дары среди тех, кто к ней прибегает. Я не ошибся, как читатель увидит в свое время и в своем месте, но милости Фортуны оказались бесполезны, я растерял все из-за своего безрассудного поведения. Тюрьма Пьомби за пятнадцать месяцев дала мне возможность понять болезни моего разума, но мне надо было бы побыть там еще подольше, чтобы проникнуться правилами, которые могли бы их излечить.

М-м Ривьер очень хотела, чтобы я ехал с ней, но она не могла откладывать свой отъезд, а я должен был ждать ответа из Венеции и денег, которые, впрочем, не могли сильно задержаться. Она сказала, что задержится на восемь дней в Страсбурге, я заверил ее, что присоединюсь там к ней, и она уехала из Мюнхена восемнадцатого декабря.

Я получил из Венеции вексель, которого ожидал, через два дня после ее отъезда, оплатил свои небольшие долги и направился в Аугсбург, не столько для того, чтобы повидаться с отцом Бальби, сколько чтобы познакомиться с любезным деканом Баси, который состоял при князе. Прибыв в Аугсбург, через семь часов после отъезда из Мюнхена, я пошел к декану. Декана не было, я нашел отца Бальби, одетого аббатом, причесанного, напудренного, что придавало его коже еще более темный оттенок. Этот человек, которому не было еще и сорока, был не только некрасив, но имел физиономию, в которой отражались низость, малодушие, наглость и глупая

хитрость. Я увидел, что он хорошо устроен, хорошо обслуживается, я увидел у него книги, все, что необходимо для письма, я выдал ему мои поздравления, назвал его счастливым и сказал, что счастлив сам, предоставив ему все эти преимущества и выразив надежду, что вскоре увижу его секулярным священником. Далекий от того, чтобы поблагодарить меня, он сказал, что я избавился от него, и, узнав, что я направляюсь в Париж, заявил, что охотнее поехал бы со мной, потому что Аугсбург ему до смерти надоел.

– Что вы хотите делать в Париже?

– А что вы сами будете делать?

– Я извлеку пользу из своих талантов.

– А я из моих.

– Для этого я вам не нужен. Отправляйтесь. Персоны, которых я сопровождаю, возможно, откажутся от меня, если я поеду с вами.

– Вы мне обещали, что меня не покинете.

– Вы считаете, что вас покидают, если вам предоставляют все, что вам необходимо?

– Все необходимое? У меня нет ни су.

– Вам не нужны деньги. И если вы полагаете, что вам нужны деньги для удовольствий, обратитесь к вашим братьям.

– У них денег нет.

– К вашим друзьям.

– У меня нет друзей.

– Тем хуже; Значит, вы никогда ни с кем не дружили.

– Оставьте мне несколько цехинов.

– Я потратил их все без остатка.

– Подождите декана, он завтра появится. Поговорите с ним, убедите его, чтобы он одолжил мне денег, Скажите, что я ему их верну.

– Я не стану его ждать, потому что сейчас уезжаю, и я не настолько нагл, чтобы просить его дать вам денег.

После этого резкого диалога я его покинул; я направился на почту и уходил, весьма недовольный тем, что доставил столь большую удачу человеку, который этого не заслуживал. В конце марта я получил в Париже письмо от благородного и честного декана Баси, в котором тот дал мне отчет в том, что отец Бальби сбежал от него с одной из его служанок, прихватив с собой некоторую сумму денег, золотые часы и дюжину столовых приборов из серебра; он не знает, куда тот уехал.

Ближе к концу года я узнал, что он направился со служанкой декана в Куар, столицу Граубюндена, где попросил, чтобы его приняли в церковь кальвинистов, и был опознан законным мужем дамы, которая была с ним, но поскольку узнали, что он не имеет, на что жить, от него отстали. Поскольку у него не было денег, служанка, которую он обманул, его покинула, перед тем несколько раз побив. Отец Бальби, не зная теперь, ни куда идти, ни на что жить, решил направиться в Брессе, город, принадлежащий Республике, где явился правителю, назвал ему свое имя, рассказал о своем бегстве и своем раскаянии и попросил принять под свое покровительство, чтобы заслужить прощение. Покровительство подесты началось с того, что вернувшегося дурака поместили в тюрьму, затем написали в Трибунал, спрашивая, что с ним делать; В соответствии с полученными распоряжениями, его направили в цепях к Мессеру Гранде, тот передал его в Трибунал, который снова поместил его в Пьомби, где он уже не застал графа Асквина, которого отправили в Кватро, из уважения к его возрасту, тремя месяцами позже моего бегства. Я узнал пять-шесть лет спустя, что Трибунал, подержав отца Бальби в Пьомби два года, отправил его в его монастырь, где настоятель выслал его в исправительный монастырь близ Фельтре, построенный в горах; но отец Бальби остался там только на шесть месяцев. Он сбежал оттуда и направился в Рим пасть в ноги папы Реццонико, который отпу-

стил ему его монастырские грехи, и он вернулся на родину в качестве священника, где жил весьма несчастливо, потому что никогда не мог себя вести достойно. Он умер в нищете в году.

Я направился в Страсбурге в гостиницу *Духа* к м-м Ривьер и ее очаровательному семейству; они встретили меня с выражениями искренней радости. Мы провели там несколько дней и отправились в Париж в добротной *берлине*, причем я счел своим долгом оплатить за себя тем, что поддерживал веселье всей компании. Прелести м-ль Ривьер похитили мою душу, но я вел себя сдержанно и не хотел проявить неуважение к ее матери и к тому, как мне надлежало вести себя в моей ситуации, чтобы исключить малейшие любовные поползновения. Хотя и слишком молодой для этого, я развлекался, играя роль отца и проявляя заботы о том, чтобы путешественники пользовались в дороге всеми возможными удобствами и хорошим ночлегом.

Мы прибыли в Париж утром 5 января 1757 года, в среду, и я остановился у моего друга Баллетти, который встретил меня с распростертыми объятиями, заверив, что, несмотря на то, что я не давал ему о себе никаких известий, он меня ждал, поскольку с моим бегством, необходимым последствием которого стало мое удаление из Венеции и даже мое изгнание, он не мог себе представить, чтобы я мог выбрать иное укрытие, кроме города, где я провел подряд два года, наслаждаясь всеми приятностями жизни. Во всем доме воцарилась радость, когда узнали о моем прибытии, и я обнял его мать и его отца, которые, на мой взгляд, остались такими же, какими я их оставил в 1752 году. Но тот, кто меня поразил, была м-ль Баллетти, сестра моего друга. Ей было пятнадцать лет и она стала очень красивой; мать воспитала ее, передав ей все, что может дать дочери нежная и умная мать, все, что касается таланта, грации, ума и знания жизни. Сняв комнату на той же улице, я пошел в Отель Бурбон, чтобы представиться г-ну аббату де Берни, который был начальником Департамента иностранных дел, имея все основания рассчитывать на него в своей карьере. Я прихожу туда, мне говорят, что он в Версале; стремясь его повидать, я направляюсь на Пон Рояль, беру коляску, называемую в народе «комнатный горшок», и прибываю туда в половине седьмого. Узнав, что он вернулся в Париж вместе с графом де Кантилана, послом Неаполя, мне ничего не остается, кроме как сделать то же. Я возвращаюсь в той же коляске; но едва подъехав к заставе, я вижу множество людей, бегающих в панике повсюду и слышу крики:

– Король убит, только что убили Его Величество.

Мой кучер, ошеломленный, собирается дальше следовать своим путем, но мою коляску останавливают, меня заставляют сойти и отводят в кордегардию, где я вижу за три-четыре минуты более двадцати задержанных, весьма удивленных и столь же виноватых, как и я. Не знаю, что и думать, и полагаю, что это если не наваждение, то сон. Мы сидим там и переглядываемся, не смея разговаривать; удивление владеет нами, каждый, хотя и не виновный, испытывает страх.

Но четыре или пять минут спустя входит офицер и, попросив у нас очень вежливо извинения, говорит, что мы можем идти.

– Король, – говорит он, – ранен, и его доставили в его апартаменты. Убийца, которого никто не знает, арестован. Везде ищут г-на де Мартиньер.

Поднявшись в мою коляску, очень обрадованный, что меня заметил, молодой человек, очень хорошо одетый, с лицом, заслуживающим доверия, просит меня взять его с собой, заверяя, что оплатит половину; но вопреки законам вежливости я отказываю ему в этом удовольствии. Бывают моменты, когда не следует быть вежливым.

За те три часа, что я добирался до Парижа, потому что «комнатные горшки» движутся очень медленно, мимо меня проследовали галопом по меньшей мере две сотни курьеров. Каждую минуту я видел нового, и каждый курьер кричал и объявлял во всеуслышание о новости, которую он несет. Первые говорили то же, что я уже слышал; четверть часа спустя – что королю пустили кровь, затем – что рана не смертельная, и час спустя – что рана настолько легкая, что Его Величество сможет, если захочет, направиться в Трианон.

С этой интересной новостью я вошел к Сильвии и нашел все семейство за столом, потому что еще не было и одиннадцати. Я вхожу и вижу всех пораженными.

– Я еду из Версаля, – говорю я.

– Король убит.

– Отнюдь нет, он сможет, если захочет, отправиться в Трианон. Г-н де ла Мартиньер пустил ему кровь, убийца арестован и что его сожгут, после того, как будут пытаться и четвертуют заживо.

На этой новости, которую слуги Сильвии сразу распространили дальше, все соседи пришли, чтобы меня послушать, и благодаря мне весь квартал хорошо спал этой ночью. В это время французы воображали себе, что любят своего короля, и всячески это выражали; сегодня пришлось узнать их немного лучше. Но в глубине души французы всегда одинаковы. Эта нация создана, чтобы пребывать всегда в состоянии насилия; ничто не истинно относительно нее, все только кажущееся. Это корабль, которому нужно только движение, который жаждет только ветра, и любой дующий ветер хорош. Не таковы ли и войска Парижа?

Глава II

Министр иностранных дел. Г-н де Булонь, генеральный контролер. Г-н герцог де Шуазель. Аббат де Лавиль. Г-н Парис дю Верне. Учреждение лотереи. Мой брат прибывает в Париж из Дрездена, его принимают в Академию живописи.

Итак, я снова в великом Париже, и, не имея возможности рассчитывать на мою родину, должен сам вершить свою судьбу. Я здесь провел два года, но, не имея в то время иной заботы, кроме как прожигать жизнь, я ничему не научился. В этот второй раз мне следовало ориентироваться на людей, близ которых обитала слепая богиня. Я видел, что для того, чтобы в чем-то преуспеть, мне следовало пустить в ход все мои способности, физические и моральные, водить знакомство с великими и влиятельными, владеть собой и носить цвета всех тех, кому, как я увижу, мне следует понравиться. Чтобы следовать этим максимам, мне надо было остерегаться всего того, что в Париже называется дурным обществом, и расстаться со всеми своими прежними привычками и разного рода претензиями, которые могли бы доставить мне врагов и легко создать репутацию человека, мало пригодного для солидных ролей. В соответствии с такими размышлениями я предписал себе систему скромности, как в поведении, так и в разговорах, которая придала бы мне вид человека, более пригодного для серьезных дел, чем это казалось даже мне самому. Что касалось необходимого содержания, я мог рассчитывать на сотню экю в месяц, которые г-н де Брагадин никогда не забывал мне прислать. Этого было достаточно. Мне следовало только заботиться о том, чтобы хорошо одеться и прилично поселиться; но для начала мне нужна была немалая сумма, потому что у меня не было ни платья, ни рубашек.

Итак, я вернулся на другой день в Бурбонский дворец. Будучи уверен, что швейцар мне скажет, что министр занят, я явился лишь с маленьким письмом, которое ему и оставил. В нем я представлялся ему и говорил, где я остановился. Не было нужды говорить больше. В ожидании я счел для себя необходимым давать всюду, где я появлялся, объяснения по поводу моего побега; это была моя повинность, потому что это длилось по два часа, но я счел это необходимым, потому что должен был держаться любезно по отношению к тем, кто испытывал любопытство, поскольку это было неотделимо от того живого интереса, который они проявляли по отношению к моей персоне.

На ужине у Сильвии я более спокойно, чем накануне, воспринял все знаки дружбы, которых мог только пожелать, и достоинства ее дочери меня поразили. В свои пятнадцать лет она обладала всеми превосходными качествами, которые меня очаровали. Я высказал по этому поводу комплименты ее матери, воспитавшей ее, и не подумал защититься от ее очарования; я еще не в достаточной мере пришел в себя, чтобы вообразить, что оно может объявить мне войну.

Я поднялся спозаранку, беспокоясь о том, что скажет министр в ответ на мою записку. Ответ пришел в восемь часов. Он написал мне, что в два часа я найду его свободным. Он встретил меня, как я и ожидал. Он высказал мне не только удовольствие видеть меня победителем, но и радость, которую испытывает его душа, узнав, что он может мне быть полезен. Он сказал, что как только он получил письмо от М. М. о том, что я спасен, он почувствовал уверенность, что я обязательно буду в Париже, и что это ему я нанесу свой первый визит. Он показал мне письмо, в котором она извещает его о моем задержании, и последнее, где она рассказывает ему историю моего побега, как ей об этом сообщили. Она говорила ему, что с тех пор, как она более не может надеяться увидеть ни одного, ни другого из тех двух мужчин, единственных, с кем она могла бы считаться, жизнь стала ей в тягость. Она жаловалась, что не может найти в себе сил для молитвы. Она говорила, что К. К. часто ходит ее навещать, и что та несчастлива с человеком, за которого вышла замуж.

Пробежав наскоро то, что М. М. написала ему о моем побеге, и найдя все рассказанное неправдой, я предложил ему изложить письменно всю действительную историю. Он поймал меня на слове и пообещал отослать ее нашей несчастной подруге, подарив мне, в самой изящной манере, сверток с сотней луидоров. Он обещал мне подумать обо мне и дать мне знать, когда ему нужно будет со мной переговорить. С этими деньгами я почувствовал себя экипированным; восемь дней спустя я отправил ему историю моего побега, которую разрешил скопировать и найти ей то применение, которое он сочтет для меня полезным. Три недели спустя он дал мне знать, что говорил обо мне с г-ном Эриццо, послем Венеции, который, как он сказал, не собирается причинить мне никаких неприятностей; однако, чтобы не компрометировать себя перед Государственными Инквизиторами, не будет со мной встречаться. Мне до него не было никакого дела. Он сказал мне также, что дал мою историю м-м Маркизе⁴, которая меня знает, и с которой он попытается обо мне поговорить, и под конец сказал, что когда я пойду представляться г-ну де Шуазель, мне будет оказан хороший прием, как им, так и генеральным контролером г-ном де Булонь, с которым, имея голову на плечах, я смогу повернуть хороших дел.

– Вам укажут путь, – сказал он, – и *имеющий уши да слышит*. Попробуйте сделать что-то полезное с королевскими доходами, избегая сложностей и химер, и если то, что вы напишете, будет не слишком длинным, я выскажу вам свое мнение.

Я ушел от него, полный признательности, но весьма озадаченный поиском возможностей для роста королевских доходов. Не имея никакого представления о финансах, я мучительно напрягал свои мозги, но все идеи, приходившие мне на ум, касались только новых налогов, они все казались мне неприятными или абсурдными, и я их отвергал.

Мой первый визит был к г-ну де Шуазель, как только я узнал, что он в Париже. Он принял меня за своим туалетом, занятый письмом, пока его причесывали. Он оказал мне вежливый прием, прерывая процесс письма маленькими интервалами, задавая мне вопросы, на которые я отвечал, но с малой пользой, потому что, вместо того, чтобы меня слушать, он писал. Время от времени он окидывал меня взглядом, но при этом все равно меня не слыша. Несмотря на это, герцог был человек весьма умный.

Окончив свое письмо, он сказал мне по-итальянски, что г-н аббат де Бернис рассказал ему краткую историю моего побега.

– Расскажите мне, как вам удалось это проделать.

– Эта история, монсеньор, займет два часа, а Ваша Светлость, мне кажется, спешит.

– Расскажите коротко.

– В самом кратком изложении она и требует двух часов.

– В другой раз вы мне расскажете детали.

– Без деталей эта история не интересна.

– Да, разумеется. Но можно сократить, по мере возможности.

– Очень хорошо. Скажу вам, Ваша Светлость, что Государственные Инквизиторы заключили меня в Пьомби. По истечении пятнадцати месяцев и пяти дней я пробил крышу, проник через слуховое окно в канцелярию, в которой пробил дверь, спустился на площадь, сел в гондолу, которая доставила меня на Большую Землю, откуда я прибыл в Мюнхен. Оттуда я прибыл в Париж, где и имею честь засвидетельствовать вам свое почтение.

– Но... что такое Пьомби?

– Это займет еще четверть часа.

– Как вы смогли пробить крышу?

– Это займет полчаса.

– Зачем вы забрались так высоко?

⁴ Помпадур – прим. перев.

– Еще полчаса.

– Думаю, вы правы. Красота в деталях. Я должен ехать в Версаль. Вы доставите мне удовольствие, как-нибудь появившись у меня. Подумайте между тем, чем я могу быть вам полезен.

Выйдя от него, я направился к г-ну де Булонь. Я увидел человека, совершенно отличного от герцога, по виду, по одежде, по манерам. Он прежде всего поздравил меня по поводу того, что сказал обо мне аббат де Бернис, и о моих способностях в области финансов. Я на это едва не рассмеялся. При том, что это был человек восьмидесяти лет, с печатью гения на лице.

– Сообщите мне, – сказал он, – либо лично, либо письмом ваши взгляды; вы найдете меня благосклонным и готовым рассмотреть ваши идеи. Вот, например, г-н Парис дю Верней, который нуждается в двадцати миллионах на свою военную школу. Дело в том, чтобы отыскать их, не обременяя государство и не разоряя королевскую казну.

– Только господь, месье, обладает созидательной способностью.

– Я не господь, – сказал мне г-н дю Верней, – однако я кое-что создал, но сейчас все переменялось.

– Все, – ответил я ему, – стало сложнее, я это знаю, но, несмотря на это, я придумал операцию, которая доставит королю доход в сотню миллионов.

– Во сколько обойдется королю это предприятие?

– Ни во что, кроме затрат по сбору средств.

– Это нация должна обеспечить этот доход?

– Да, но добровольно.

– Я понимаю, о чем вы думаете.

– Я счастлив, месье, потому что я никому не сообщал свою идею.

– Если вы не заняты, приходите завтра ко мне обедать, и я продемонстрирую вам ваш проект, который прекрасен, но имеет ряд почти непреодолимых трудностей. Несмотря на это, мы поговорим. Вы придете?

– Буду счастлив.

– Так я вас жду. Я живу в Плезанс.

После его ухода генеральный контролер расхвалил мне его талант и его честность. Он был брат Париса де Монмартель, которого тайная хроника считала отцом м-м де Помпадур, потому что он любил м-м Пуассон одновременно с г-ном Ленорман.

Я вышел погулять в Тюильери, размышляя о причудливом случае, который предоставляет мне fortuna. Мне говорят, что нужны двадцать миллионов, я хвалюсь, что могу достать сотню, не знаю как, и человек знаменитый и опытный в делах приглашает меня обедать, чтобы поведать мне, что он знает мой проект. Если он думает вывести что-то у меня, я его разочарую; когда он сообщит мне свою мысль, это позволит мне сказать, что либо он догадался, либо нет, и если я буду в силах, я, возможно, добавлю к ней что-то новое; не услышав ничего, буду хранить таинственное молчание.

Аббат де Бернис признал меня финансистом лишь для того, чтобы получить от меня совет. Без этого меня бы не призвали. К сожалению, я даже не знал их специального жаргона. На следующий день я нанял коляску и, грустный и серьезный, сказал кучеру везти меня в Плезанс к г-ну дю Верней. Это было немного дальше, чем Венсенн.

И вот я у дверей этого знаменитого человека, который спас Францию после бедствий, причиненных системой Лоу за сорок лет до этого. Я застал его в обществе семи-восьми персон перед ярким огнем. Он представил меня под моим именем в качестве друга министра иностранных дел и Генерального Контролера. После этого он представил мне этих господ,

обозначив трех или четырех как интендантов финансов. Я раскланялся и через мгновение превратился в Гарпократа⁵.

Поговорив о Сене, которая замерзла на толщину ступни, о г-не де Фонтенель, который только что умер, о Дамьене, который не хочет ничего рассказать, и о пяти миллионах, которых будет стоить королю этот уголовный процесс, поговорили затем о войне и похвалили г-на де Субис, которого король назначил командующим. Эта часть беседы касалась потребных расходов и ресурсов. Я провел полтора часа в скуке, потому что все их рассуждения были настолько наспигованы терминами из их области, что я ничего не понял. После следующих полутора часов, проведенных за столом, где я открывал рот только для еды, мы перешли в залу, где г-н дю Верней оставил компанию, чтобы провести меня в кабинет вместе с человеком с добрым застывшим выражением лица, примерно пятидесяти лет, где представил его мне под именем Кальзабижи. Минуту спустя вошли также два интенданта. Г-н дю Верней с веселым и учтивым видом передает мне тетрадь *ин-фоллио*, говоря:

– Вот ваш проект.

Я вижу на обложке: Лотерея на девяносто билетов, в которой выиграши каждый месяц выпадают только на пять номеров, и тд. и тд. Я возвращаю ему тетрадь и немедленно сообщаю, что это и есть мой проект.

– Месье, – говорит он, – вы предугадали: это проект г-на де Кальзабижи, который перед вами.

– Я счастлив, что я думаю так же, как месье; но если вы им не воспользовались, могу ли я спросить причину?

– Имеется несколько доводов против этого проекта, все правдоподобные, ответы на которые весьма неясны.

– Я знаю из них во всей природе только один, – отвечаю я холодно, – который мог бы мне заткнуть рот. Это было бы, если бы король не разрешил своим подданным играть.

– Этот довод можно не рассматривать: Король позволит своим подданным играть; но будут ли играть они сами?

– Я удивлен, что кто-то сомневается в том, что нация готова будет платить, если будет выигрывать.

– Допустим, они будут играть, если будут уверены, что есть некая касса. Как образовать этот фонд?

– Королевская казна. Декрет Совета. Достаточно предположить, что король в состоянии оплатить сто миллионов.

– Сто миллионов?

– Да, месье. Надо произвести впечатление.

– Значит, вы допускаете, что король может их потерять?

– Я это допускаю; но лишь после того, как он получит сто пятьдесят. Зная силу политического расчета, вы должны исходить только из этого.

– Месье, я тут не одинок. Допустите, что в первом же тираже король может потерять запредельную сумму?

– Между возможностью и действительностью – бесконечность; но я соглашусь. Если король потеряет в первом же тираже большую сумму, судьба лотереи решена. Это несчастье. Следует морально учитывать такую возможность. Но вы знаете, что все страховые конторы богаты. Я вам докажу перед всеми математиками Европы, что, поскольку Бог нейтрален, невозможно, чтобы король не выиграл в этой лотерее один из пяти. Это секрет лотереи. Вы согласны, что разум должен опираться на математическое доказательство?

⁵ греч. – бог молчания – прим. перев.

– Я согласен с этим. Но скажите мне, почему не ввести правило *Кастеллетто*⁶, чтобы выигрыш короля был гарантирован?

– Не существует в мире такого *Кастеллетто*, которое давало бы абсолютную и очевидную уверенность, что король всегда выигрывает. *Кастеллетто* состоит лишь в том, чтобы сохранять предварительный баланс, когда необычный выигрыш выпадает на один, два или три номера и может причинить держателю лотереи большие потери. *Кастеллетто*, впрочем, объявляет предельную сумму. *Кастеллетто* сможет дать вам уверенность в выигрыше только лишь отложив тираж до той поры, пока все шансы не выровняются, и тогда лотерея не пойдет, так как в этом случае, возможно, придется ждать тиража десять лет, а кроме того, я скажу вам, что в этом случае лотерея станет совершеннейшим мошенничеством. То, что гарантирует от этого бесславного конца, это фиксируемый тираж каждый месяц, потому что публика при этом рассчитывает, что держатель все же может проиграть.

– Не будете ли вы любезны поговорить об этом в Совете полного состава?

– Охотно.

– И ответить на все возражения?

– На все.

– Не хотите ли вы представить мне ваш план?

– Я представлю свой план, месье, только когда идея будет принята и я буду уверен, что ее одобряют и мне предоставят те преимущества, на которые я рассчитываю.

– Но ваш план всего лишь этот, который вы здесь видите.

– Я в этом сомневаюсь. В своем плане я показываю, в общих чертах, сколько король получит в год, и доказываю это.

– Можно будет, наверное, продать его компании, которая заплатит королю определенную сумму.

– Прошу прощения. Лотерея может иметь успех только в предположении, что она будет действовать неотвратимо. Я не хочу связываться с неким комитетом, который, чтобы увеличить доход, будет думать об умножении операций, увеличивая наплыв участников. Я уверен в этом. Эта лотерея, если я должен в ней участвовать, будет королевская или никакая.

– Г-н Кальзабижи думает как вы.

– Я этим вполне удовлетворен.

– Есть ли у вас персоны, готовые заниматься *Кастеллетто*?

– Это должны быть просто «умные машины», которых во Франции должно хватать.

– Какую вы предполагаете ставку барыша?

– В двадцать на сотню при каждом тираже. Тот, кто принесет королю эю на каждые шесть франков, получит пять, и конкурс будет таков, что, при прочих равных, нация уплатит монарху, по меньшей мере, пятьсот тысяч франков в месяц. Я докажу это на Совете, при условии, что он будет состоять из членов, которые, уразумев конечную правильность расчетов, физическую и политическую, не уклонятся от их принятия.

Довольный тем, что мог осветить все, для чего меня пригласили, я вышел, чтобы немного пройтись. Возвратившись, я застал их за обсуждением этого вопроса. Кальзабижи, дружелюбно подойдя ко мне, спросил, предусматриваю ли я в своем плане «*кадерну*». Я ответил, что публика должна иметь возможность играть также и на «*квин*»⁷, но в своем плане я ввожу более строгое правило, по которому игрок может играть на *кадерну* и на *квин* только при условии, что он одновременно играет и на *терн*. Он ответил, что в своем плане он допускает *простую кадерну* с выигрышем пятьдесят тысяч к одному. Я мягко ответил ему, что во Франции есть люди, весьма сильные в арифметике, которые, увидев неравные выигрыши во всех шансах,

⁶ правило ограничения рисков – прим. перев.

⁷ терн, кадерна, квин – термины из «Генуэзского лото», определяющие количества одновременных ставок – прим. перев.

воспользуются сговором. Он пожал мне руку, сказав, что хотел бы, чтобы мы выступили вместе. Оставив свой адрес г-ну дю Верней, я ушел поздно вечером, довольный и уверенный, что оставил хорошее впечатление в голове у старика.

Три-четыре дня спустя я увидел у своих дверей Кальзабижи, которого заверил в том, что не ожидал его здесь увидеть, поскольку не смел надеяться. Он сказал мне без обиняков, что манера, с которой я говорил с этими месье, их поразила, и что наверняка, если я захочу склонить к этому Генерального контролера, мы учредим лотерею, в которой сможем сыграть заметную роль.

Я этому верю, – ответил я ему, – но роль, которую они будут в ней играть сами, будет еще больше, и, несмотря на это, они не торопятся; они не послали за мной, а впрочем, это для меня не самое важное дело.

– Сегодня у вас будут новости. Я знаю, что г-н де Булонь говорил о вас с г-ном де Куртейль.

– Уверяю вас, я этого не добивался.

Он попросил меня с совершеннейшей любезностью пойти с ним отобедать, и я согласился. В тот момент, когда мы выходили, я получил записку от аббата де Бернис, в которой говорилось, что если я могу быть завтра в Версале, он доставит мне случай говорить с м-м Маркизой, и что в то же время я встречу там с г-ном де Булонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.